

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.8>

Пешкова Михаэла, Божкова Галина Николаевна, Быков Антон Валерьевич

РЕЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА Л. ТОЛСТОГО В ЧЕХИИ

Целью статьи является попытка раскрыть восприятие личности Льва Николаевича Толстого и его творческого наследия чехами на протяжении нескольких эпох (XIX-XXI вв.). Для реализации намеченной цели изучены связи Толстого с чехами и словаками (Т. Г. Масариком, Д. П. Маковицким, К. Велеминским, П. Шакваном), переводы на чешский язык произведений автора, отзывы на творчество мыслителя литературных критиков (В. Мрштик, Ф. Шалда), отклики на педагогическую деятельность писателей (О. Баржезина), композиторов (Л. Яначека), журналистов (Н. В. Моравского, Р. Валенчика) и педагога (Я. Мразик). Авторы приходят к выводу: несмотря на то, что со дня рождения великого русского писателя прошло уже 190 лет и в Чехии ему не довелось побывать, интерес к его личности среди чешских исследователей только усиливается.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/9-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 9(87). Ч. 1. С. 36-41. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
2. Башкеева В. В. Портрет в прозе Н. М. Карамзина, А. А. Бестужева-Марлинского, А. С. Пушкина. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010. 123 с.
3. Богуславский В. М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка. М.: Космополис, 1994. 238 с.
4. Гуляев Н. А. Теория литературы: учебное пособие для филол. спец. пед. ин-тов. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Высш. шк., 1985. 271 с.
5. Донгак У. А. С. Сюрюн-оол // Донгак У. А. Иволги напев живой: в новом облике древнего слова: литературно-критические статьи. Абакан, 2014. С. 70-71.
6. Жорникова М. Н. Жест как структурный элемент портрета героя (на материале русской романтической повести) // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Вып. SA. С. 196-200.
7. Калзан А. К. Өзүлдениң демдектери. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1991. 304 с.
8. Кричевская Л. И. Портрет героя. М.: Аспект Пресс, 1994. 182 с.
9. Куулар Д. С. Төөгү болгаш амгы үе. Кызыл: ТНУЧ, 1982. 164 с.
10. Ломидзе Г. И. Ленинизм и судьбы национальных литератур. М.: Современник, 1972. 285 с.
11. Михайлов П. М. Персонаж. Показ человека в художественной литературе. Симферополь: Крымгиз, 1940. 52 с.
12. Самдан З. Б. От фольклора к литературе. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1987. 77 с.
13. Сүрүн-оол С. С. Чогаалдар чындзызы: в 2-х т. Кызыл: ТНУЧ, 1974. Т. II. 384 с.
14. Сюрюн-оол С. Неоконченная история / пер. М. Рамазановой // Улуг-Хем. 1966. Кн. 8. С. 83-93.
15. Хадаханэ М. А. Тувинская проза. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1968. 87 с.
16. Хализев В. Е. О словесной пластике // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1979. № 2. С. 13-22.
17. Щербина В. Р. Проблемы советской литературы и мировой художественный прогресс // Единство, рожденное в борьбе и труде: новая историческая общность людей – советский народ и литература социалистического реализма: мат-лы всесоюз. конф. М.: Известия, 1972. С. 30-39.

ROMANTIC HERO'S PORTRAIT IN S. SYURYUN-OOL'S TALE "THE UNFINISHED STORY"

Oorzhak Shonchalai Dadar-oolovna

Tuvan Institute for Applied Studies of Humanities and Socioeconomics, Kyzyl

Shonchalaj_oorzhak@mail.ru

The article deals with the peculiarities of the creation of the romantic portrait of the main heroine in S. Syurun-ool's tale "The Unfinished Story". The artistic originality of the writer's narration in this work is the opposition of the appearance and the inner world of two heroines (Kara-kys and Minchimaa). The author endows his heroine Kara-kys with such romantic qualities as dreaminess, sublimity of feelings. The abundance of gestures, outer and inner monologues in the work represent the internal changes of the heroine and express the feelings experienced by her: confusion, excitement, embarrassment and so on. The mystical scene about spilt milk, which is typical of romantics, in the tale shows S. Syurun-ool's innovation.

Key words and phrases: S. Syurun-ool; dreaminess; romantic features; dynamic portrait; inner gesture; romanticism.

УДК 82

Дата поступления рукописи: 07.06.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.8>

Целью статьи является попытка раскрыть восприятие личности Льва Николаевича Толстого и его творческого наследия чехами на протяжении нескольких эпох (XIX-XXI вв.). Для реализации намеченной цели изучены связи Толстого с чехами и словаками (Т. Г. Масариком, Д. П. Маковицким, К. Велеминским, П. Шакваном), переводы на чешский язык произведений автора, отзывы на творчество мыслителя литературных критиков (В. Мршттик, Ф. Шалда), отклики на педагогическую деятельность писателей (О. Баржезина), композиторов (Л. Яначека), журналистов (Н. В. Моравского, Р. Валенчика) и педагога (Я. Мразик). Авторы приходят к выводу: несмотря на то, что со дня рождения великого русского писателя прошло уже 190 лет и в Чехии ему не довелось побывать, интерес к его личности среди чешских исследователей только усиливается.

Ключевые слова и фразы: Л. Н. Толстой; Чехия; Т. Г. Масарик; Д. П. Маковицкий; К. Велеминский; переводы; критика.

Пешкова Михаэла, к. филол. н.

Западночешский университет, г. Пльзень, Чешская Республика
peskova@krf.zcu.cz

Божкова Галина Николаевна, к. филол. н., доцент

Быков Антон Валерьевич, к. филол. н., доцент

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
bozhkova.galina@mail.ru

РЕЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА Л. ТОЛСТОГО В ЧЕХИИ

Личность Л. Н. Толстого оказала влияние не только на литературный процесс в России, но и на развитие общественной мысли многих стран, в том числе и Чехии. Интерес к творчеству писателя в чешской среде не исчезает до сих пор.

Чешские художники, критики, мыслители и читатели воспринимали Толстого как художественного гения, умеющего постигать глубины человеческого духа, своеобразного «сверхчеловека», оригинальную личность. По их убеждениям, Толстой стоял вне литературного процесса. Т. Г. Масарик писал о том, что у Толстого нет ни литературных предшественников, ни последователей, его нельзя отнести ни к одному литературному течению. Для чехов Толстой был представителем «загадочной русской души», отчасти непостижимой [12, s. 289]. Выдающийся чешский поэт Отокар Бржезина писал: «В Толстом жили демоны и его творчество является единой и непрерывной борьбой против демонов» [Цит. по: 8, s. 43]. Он был воспринят как расколота личность: художник и писатель спорили в нём с философом и религиозным мыслителем. Сложился концепт «двух Толстых», которых надо оценивать отдельно: гениальный писатель-реалист всемирного значения и не столь известный мыслитель, социальный утопист. Общеизвестны в Чехии даже на уровне школьного среднего образования идеи Толстого о непротивлении злу насилием и непрерывном нравственном самосовершенствовании.

В развитии отношений Толстого с Чехией наблюдаются некоторые противоречия. В творчестве писателя нет заметок о Чехии, поскольку он там не был ни в 1857 году, ни в 1861 г., не вел регулярной переписки с чехами, но знал о чешской культуре благодаря личным лечащим врачам (словаки П. Шакван, Д. Маковицкий), а также гостям из Чехии и Словакии (Т. Г. Масарик (1887, 1888, 1910), К. Крамарж (1890), З. Нейедли (1900), К. Велеминский (1907, 1910)), любившим посещать Москву и Ясную Поляну. Толстой интересовался деятельностью будущего первого чехословацкого президента Томаша Гарика Масарика (1850-1937) – выдающегося мыслителя и политика леволиберальной ориентации. Сохранилось письмо Толстого Масарику, написанное за полгода до смерти Льва Николаевича.

«Ф. О. Масарику (Thomas Garrigue Masaryk).

1910 г. Мая 3. Кочеты.

Дорогой Фома Осипович!

Очень благодарен вам за ваше письмо и сведения о материалах для изучения вопроса самоубийства. Нынче только успел прочесть вашу прекрасную, вероятно стоившую вам больших трудов, книгу о самоубийстве. Очень порадовало меня основное совпадение наших взглядов на причину этого явления. Очень бы хотелось до смерти высказать те мысли об этом предмете, которые неотвязно преследуют меня. Может быть, кому-нибудь и пригодилось бы. Впрочем, я уже привыкаю не руководиться в своих поступках предполагаемыми последствиями, а только внутренним, духовным требованием. Думаю, что и в этом, судя по вашей последней главе, в которой вы говорите о детерминации, схожусь с вами.

От души желаю вам всего хорошего.

Любящий вас Лев Толстой» [6].

(На конверте осталась помета Толстого: «*Ответить мне – благодарить*». Дата написания совпадает с записью Льва Толстого в Дневнике от 3 мая 1910 г. в Кочетах: «Ходил по парку, читая Масарика. Слабо... Думал о самоубийстве и перечитал начатое. Хорошо. Хорошо бы написать. Написал Масарику» [Там же].)

Сохранился и ответ Толстому Масарика на русском языке от 9 мая нов. ст., в котором Масарик не просто размышлял о поднятом русским писателем вопросе, но и прилагал список литературы по вопросу о самоубийстве. Удивительны чаяния Льва Толстого в конце жизни. Масарик же, в отличие от Толстого, был прагматичным оптимистом. Л. Н. Толстой всегда с уважением отзывался о Масарике. Русский писатель пишет о нём как о «нравственно чутком ученом», «сердечном и способном человеке», который «очень хорошо и думает, и мыслит» [Цит. по: 5]. В яснополянской библиотеке хранятся книги Масарика с пометами Толстого: «Самоубийство как общественное массовое явление современной цивилизации», «Философские и социологические основания марксизма». Всех чехов и словаков, посещавших Хамовники и Ясную Поляну, Толстой расспрашивал о Масарике, следил за его новыми работами, не одобряя увлечение политикой, депутатство в австрийском парламенте. В марте 1910 года Л. Н. Толстой пишет о Масарике: «Именно такого критика мне нужно» [Цит. по: Там же]. После смерти писателя Масарик опубликовал два некролога в журнале «Час», описав в них значение Толстого в мировой культуре, вспомнив свои личные встречи с писателем и отношение к нему: «Я испытывал к Толстому глубокое дружеское чувство и любил его, очень любил, хотя далеко не во всем соглашался с ним. Конечно, гораздо легче дружить с единомышленниками... Россия, весь мир обеднели. Ушёл великий сверхчеловек, ставший общепризнанным моральным авторитетом... И всё же, как мало мы его понимали. Даже его конец был окутан флёром, напомнив роман о безстве и поисках покоя в монастыре. А ведь он, как лев или птенец, просто искал тихое место, чтобы преклонить голову... К Толстому обращались люди из разных уголков России и искали у него совета и облегчения во многих мучивших их вопросах... В доме Толстого всегда была обстановка, как в некоем религиозно-этическом парламенте» [Цит. по: Там же].

Масарик интересовался Россией смолоду: он учил русский язык в гимназии в Вене, давал частные уроки русского. Философа увлекала русская литература, он считал себя ее знатоком. В некрологе Толстому учёный подчеркнул: «Смею признаться, что тогда мало кто знал русскую литературу так хорошо, как я» [Цит. по: Там же]. В Россию Масарик впервые приехал в 1887 г., затем через год. Он побывал в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, посетил лавру в Сергиевом Посаде: «Мне хотелось видеть те улицы и вообще те места, которые я так хорошо знал по романам Достоевского, Толстого и других писателей» [Цит. по: Там же].

С Толстым будущий президент познакомился в 1887 г., а в 1888 г. посетил его вновь, в третий раз они виделись в апреле этого же года. В то время Толстому исполнилось 56 лет, Масарику – 37. Первая встреча

состоялась в Москве – Масарик навестил Толстого в его усадьбе в Хамовниках, об этом Томаш Гарик вспомнит в некрологе. Многие о личности русского писателя, по мнению чешского мыслителя, сообщает рабочий кабинет: «...деревянный деревенский потолок, до которого можно дотянуться рукой... В этой деревенской избе – письменный стол с удобным кожаным креслом и диваном – для деревенской избы это, конечно, никак не годилось» [Цит. по: Там же]. Удивила Масарика и одежда писателя: ходил Толстой «в подпоясанной мужицкой рубахе и сапогах, которые шил сам; разумеется, очень плохо они были сшиты. К чаю он пригласил меня в господские покои – сплошь красный бархат, по обычаю аристократических домов... И в графской столовой он употреблял только простую деревенскую пищу, но эта самая мужицкая каша изготавливалась на чистой графской кухне, и графиня часто пододвигала к нему блюдо со сладким вареньем (Толстой любил сладости), которое он, как бы не замечая, поедал. Чай он пил по-мужицки, цедил через кусочек сахара, но чай-то заваривался тонкий, первосортный» [Цит. по: Там же]. После трапезы хозяин повел гостя в приусадебный парк, где они беседовали на философские темы. Говорили о Шопенгауэре, «которого Лев Николаевич понимал плохо; среди разговора он остановился как мужик на меже и предложил мне быть его последователем...» [Цит. по: Там же].

Последующие встречи проходили в Ясной Поляне. Впервые Масарик приехал туда в 1887 г., и встреча оставила у него противоречивые ощущения. Он замечал непоследовательность и даже показушность толстовского аскетизма, как и искусственность теории «опрощения жизни»: «Шить самостоятельно себе сапоги, ходить пешком вместо того, чтобы ездить поездом – ведь это лишь пустая трата времени; ведь за это время можно было бы сделать множество куда более полезных вещей!» [Цит. по: Там же]. Деревня ему казалась опустошенной: «Около полудня я подъехал к усадьбе; мне сказали, что Лев Николаевич еще почивает, потому что всю ночь вел дебаты с гостями. Тогда я пошел посмотреть деревню; она была грязна и убога» [Цит. по: Там же].

Масарик не соглашался с некоторыми идеями Толстого, особенно с теорией не противиться злу насилем. По его мнению, именно любовью и гуманностью необходимо бороться с насилем и злом. Томаш Гарик признавался: «Главное место в наших дискуссиях занимала проблема непротравления злу насилем. Речь шла о конкретных молодых людях, отказавшихся от исполнения воинской повинности. Разумеется, касались мы и войны с ее ужасами. Я утверждал, что гуманизм не запрещает нам в крайних случаях защищаться с оружием в руках, но предписывает тому, кто защищается, ограничиться обороной и не прибегать к новому насилию. Толстой в этом видел компромисс и называл меня любителем компромиссов.

– Да, Лев Николаевич, этот грех за мной есть, но есть компромиссы и компромиссы. А разве вы не допускаете никаких компромиссов?

– Допускаю, допускаю...» [12, s. 305].

Последняя встреча Масарика и Толстого состоялась в год смерти писателя. Посетив Ясную Поляну в конце марта 1910 г., Масарик, по собственному признанию, ощущал, что видится с 82-летним Толстым в последний раз. В своем некрологе он отдал Толстому дань уважения: «**ЛОБОЛЬШЕ ТОЛСТОГО НЕ ПОВРЕДИТ НИ РУССКОЙ, НИ ЧЕШСКОЙ ЖИЗНИ**» [Ibidem, s. 338].

Большую роль в жизни Толстого сыграл словак Душан Петрович Маковицкий (1866-1921), личный врач Льва Николаевича (1904-1910) [15]. В 1890 г., после прочтения «Крейцеровой сонаты», Душан Петрович заинтересовался мировоззрением Толстого и стал последователем Льва Николаевича: переводил его статьи и произведения, вступил в переписку с окружением Толстого. Словацкий город Жилина, где Маковицкий работал врачом, стал местом остановки толстовцев, направлявшихся из России на Запад и возвращавшихся с Запада в Россию.

Впервые врач оказался в Ясной Поляне в 1894 году. В середине ноября 1904 года Маковицкий получил письмо от Софьи Толстой, в котором содержалось приглашение в Ясную Поляну в качестве личного врача семьи Толстых. Маковицкий кроме медицинской помощи семье и крестьянам вел подробные записи о том, что он видел и слышал в Ясной Поляне. Он записывал слова самого Толстого, создавая обширные «Яснополянские записки» [2], которые можно назвать подробной летописью шестилетней (с 18 декабря 1904 г. по 28 ноября 1910 г.) «яснополянской жизни» [3].

Как известно, в ноябре 1910 года Маковицкий сопровождал Льва Толстого, ушедшего из Ясной Поляны. Он заботился о больном Толстом в Астапове. Когда русский писатель скончался, «*Душан Петрович первый подошел к кровати отца и закрыл ему глаза*» [7, с. 265], – такую запись оставил присутствовавший при кончине Толстого старший сын писателя. После смерти Льва Толстого Маковицкий остался в Ясной Поляне и по-прежнему лечил крестьян.

Мемуары «У Толстого» (U Tolstého, 1908) оставил чех Карел Велеминский (1880-1934). Он приехал в Ясную Поляну по рекомендации Маковицкого в августе 1907 г., желая познакомиться с педагогическим опытом Толстого. В книге «У Толстого» он передал свои впечатления от повседневной жизни в усадьбе, описал уклад жизни Толстого и его семьи, режим дня. Он вспоминает Толстого бодрым мужчиной: «*Несмотря на то, что его лицо окружено белой бородой и редкими седыми волосами, оно выглядит намного моложе, чем я ожидал. <...> Духовная сила сохранена целиком... По лестнице он всегда спускался настолько быстро, что я по шагам думал, что идет самый молодой обитатель дома. Глаза видят хорошо, очков не надо... Голос – очень приятен, только иногда слаб, полное отсутствие зубов дает голосу странных оттенков...» [16, s. 8-12]. Велеминский удивлен манерой письма русского писателя: «...в случае, если друзья предупредят писателя о каком-то стилистически неловком месте в тексте, с охотой слушается их рекомендаций.*

То, что он напишет в первой половине дня, во второй половине дня переписут на машинке. На другой день Толстой все снова прочтет, меняет, исключает, добавляет и продолжает в написании статьи, которую потом снова переписут на машинке» [Ibidem, s. 14].

Творческое наследие Льва Толстого интересно чешскому читателю: переводы трудов Толстого на чешский язык появлялись в журналах сразу же после издания их в России. Первым произведением, переведённым на чешский язык, стал рассказ «Альберт» (1858), который появился в журнале «Пражская газета» без указания переводчика. В 1860 году был переведён рассказ «Записки маркера» и опубликован в журнале «Образы жизни» (переводчик Э. Вавра). В журнале «Прогресс» в 1873 году был по частям напечатан перевод романа-эпопеи «Война и мир» (без указания переводчика). В 1881 году полностью вышел роман «Анна Каренина» (без указания переводчика). В это же время активно переводятся и публикуются «Кавказский пленник», «Власть тьмы», «О жизни», «Детство», «Отрочество», «Юность», «Два гусара», «Крейцера соната», «Поликушка», «Севастопольские рассказы», «Утро помещика», «Три смерти», «Декабристы», «Смерть Ивана Ильича» и трактаты «В чем моя вера?», «Исповедь», «Христианство и патриотизм» и также «Педагогические статьи» [18, s. 246-253]. В 1900 г. были переведены «Азбука» и роман «Воскресенье», чуть позже – повесть «Отец Сергей». Всё это свидетельствует о возросшем интересе к творчеству Толстого, которое привлекает чешского читателя своей тематикой и проблематикой. Интересен тот факт, что сразу после издания «Крейцеровой сонаты» (переводчик А. Гайн) произошла конфискация чешского перевода повести, хотя на немецком языке книга продолжала продаваться. Большая заслуга в популяризации творчества Толстого в Чехии принадлежит издательству «Й. Отты». В серии «Российская библиотека» (1889-1930) было издано 9 томов произведений Толстого, причем первые 7 книг «Российской библиотеки» занимало исключительно творчество Льва Толстого.

Популярность Толстого среди чешских читателей возрастает. В юбилейные годы публикуются новые издания: в 1928 г. – 100 лет со дня рождения русского классика – были разработаны новые переводы. Самым популярным произведением Толстого в Чехии является роман «Анна Каренина». В первой половине XX в. вышло 11 изданий, во второй – 7. Кроме того, были переведены некоторые книги о Толстом, например, «Воспоминания о Толстом» (1921) Горького. Новые издания появляются и в современности, например, «Воскресение» (2014), «Царство Божие внутри вас», «Война и мир» (2016), выходят аудио- и электронные книги («О жизни», 2018).

Не угасает интерес к творчеству Л. Н. Толстого и со стороны чешской критики: уже в 80-х гг. XIX в. творчеством Толстого интенсивно занимались В. Мрштик, Ф. Шалда. Мыслители называют Льва Николаевича «гуманистическим реалистом» [Ibidem]. Иногда Толстого сравнивают с чешским религиозным средневековым мыслителем Петром Хелчицким (1490-1560) из-за его идеи не противиться злу насилем.

Творчество Толстого после «Анны Карениной» чуждо чешским критикам: они сравнивают его с «побойшем», в котором возрастает дисгармония, приведшая к окончательной победе моралиста над художником. Об это заявляет Шалда: «Критик в нем с самого начала боролся с поэтом и практически полностью над ним победил» [Цит. по: 5].

На сегодняшний день в Чехии насчитывается 13 монографий о творчестве Льва Толстого, а также более 100 публикаций, число которых продолжает расти. Самыми значимыми являются монографии Петра Дурдика «Граф Толстой и патриотизм» (*Hrabě Tolstoj a vlastenectví*, 1897), Карла Колмана «Л. Н. Толстой» (*L. N. Tolstoj*, 1908), Франтишека Крейчиго «Толстой философ» (*Tolstoj filosof*, 1909), Карла Носовского «Толстой в чешской литературе» (*Tolstoj v české literatuře*, 1910), Карла Велеминского «Толстой – педагог» (*Tolstoj jako pedagog*, 1923), Романа Ролланда «Жизнь Толстого» (*Život Tolstého*, 1957), Мирослава Еглички «Умение Толстого повествовать» (*Vypravěčské umění Tolstého*, 1970), Ладислава Задражила «Толстой, как на него смотрел...» (*Tolstoj, jak ho viděl...*, 1978), Либора Пехи «Толстой и его педагогическое наследие» (*Tolstoj a jeho pedagogický odkaz*, 1983), Мирослава Заградки «Толстой и русская проза» (*Tolstoj a ruská próza*, 1996).

Чешские театры часто обращаются к постановкам произведений Л. Н. Толстого. Первой театральной адаптацией была драма «Власть тьмы» (1886, переводчик В. Мрштик), которая выдержала 17 постановок. Еще в XIX веке чешский зритель был удивлён пьесами «Плоды просвещения», «Живой труп». Особый интерес вызывает постановка «Анны Карениной», произведение остаётся «суперсовременным».

Л. Н. Толстой сильное влияние оказал на композитора Леоша Яначека (1854-1928) [10]. Сохранились законченные и незаконченные музыкальные произведения по мотивам романов и повестей Толстого. В 1907 Яначек написал оперу «Анна Каренина». Личные заметки в экземпляре романа Толстого (на русском и чешском языках) свидетельствуют о том, что композитор сосредоточил внимание на образах Левина и Кити, не желая освещать центральный любовный треугольник. Он, по всей вероятности, планировал показать счастливую пару на фоне разрушающихся отношений. Может быть, именно поэтому Яначек свои планы не осуществил до конца – опера осталась незавершённой [1, с. 66-68].

По мотивам повести «Крейцера соната» в 1908 году Яначек написал «Трио для рояля, виолончели и скрипки». Полгода спустя «Трио» было постановлено в Клубе любителей искусства и приурочено 80-летнему юбилею со дня рождения Толстого. Известно, что в рамках торжественного вечера была исполнена также «Крейцера соната» Бетховена. К «Крейцеровой сонате» Яначек вернулся в 1923 г., написав «Струнный квартет». Мелодия должна была ассоциироваться с ездой на поезде – место, где встречаются персонажи повести. Незабываемая постановка «Струнного квартета» осуществилась 17 октября 1924 г. в Праге. Сам композитор выразил свой восторг в письме подруге: «Я ни разу в жизни не слышал ничего настолько великолепного, чем мое последнее произведение в исполнении Чешского квартета» [17, с. 67].

В 1916 г. Яначек начал заниматься написанием оперы «Живой труп». В тексте произведения он выделил те фрагменты, которые касаются супружества, разврата в семье, женской эмансипации, развода. Комментарии к опере композитор пишет на чешском языке, но использует русский синтаксис: “*Mě matce vidět rozvedenou dceru není lehké*” [Цит. по: 14, s. 33-34]. / «*Мне, матери, видеть дочь разведенной не легко*». Сложно для восприятия оказалось творчество Льва Толстого, поэтому опера тоже осталась незавершённой.

В 1887 г. в журнале «Чешская Школа» вышла статья «Яснополянская школа графа Льва Николаевича Толстого». Ее автор Ян Мразик, выдающийся чешский учитель и публицист, с похвалой отнесся к «педагогическому либерализму» Толстого. Мразик призывает чешских педагогов обратить внимание на методику Л. Н. Толстого. Публицист опубликовал перевод отрывков из рассказов Толстого для детей. Больше всего он ценил стремление писателя мотивировать детей к чтению без принуждения. Педагога заинтересовали рассказы о судьбах детей. Моравский – главный редактор педагогического журнала «Коменский», не просто учился у русского классика, но пожелал, чтобы первую полосу начинала цитата Льва Толстого: «Единственным критерием педагогики Толстого является свобода, единственным методом – опыт» [Цит. по: 9, s. 63].

В 1899-1900 гг. в сборнике «Нашим детям» были напечатаны некоторые рассказы из «Азбуки» и «Новой азбуки», по ней не преподавали в школах, но ее читали родители детям. Самым распространенным на сегодняшний день является сборник «Детям», который выдержал четыре издания (в 1959, 1964, 1976, 1983 годах). В книгу вошли переводы произведений Л. Толстого. Сборник был рекомендован учащимся чешских основных школ. В переводе, к сожалению, теряется организационный принцип текстов, которые в начале содержат лишь двухсложные слова, и только постепенно вводятся слова более длинные. Не сохранился ритм произведений, которые в оригинале напоминают стихи. Из-за идеологической обстановки того времени пропущены молитвы и вообще все тексты, отсылающие к религии [4, с. 177].

В 1897 г. были изданы «Педагогические статьи» (переводчик Й. Черный). Чешские педагоги были в восторге от приёмов воспитания, которые предлагает Толстой. Особый интерес вызвали методы изучения родной литературы: семейное чтение и обсуждение детских книг, написание сочинений, развивающих мышление и воображение у детей. Можно сказать, что Толстой стоит у истоков развития творческой деятельности, поскольку чешские педагоги отдавали предпочтение списыванию или пересказу текста, – возникло «Движение свободного письма» [15].

В заключение хотелось бы отметить: наследие Толстого в Чехии живо и в настоящее время. Примером может служить подготовка в чешских театрах (г. Пльзень) премьеры новой постановки «Анны Карениной». К творческому наследию Л. Н. Толстого обращаются журналисты: Радим Валенчик вспоминает о том, как в четвертом классе читал рассказ Толстого о мальчике-пастухе, который от скуки заорал два раза к деревне «Волки, помогите!». Прибежали соседи, но никаких волков не было. На третий раз появились настоящие волки, мальчик кричал, но никто уже не прибегал. Данную ситуацию Валенчик сравнивает с современной международной геополитикой и заканчивает: «Я только неумело передаю то, что намного лучше и занимательнее изобразил знаменитый русский писатель» [13].

Список источников

1. Гозенпуд А. Леош Яначек и русская культура. Л.: Советский композитор, 1984. 200 с.
2. Зайденшнур Э. Е. «Яснополяские записки». Их место среди других дневников о Толстом. Обзор основного содержания. Предыстория публикации. М.: Наука, 1979-1981. 250 с.
3. Маковицкий Душан Петрович [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Маковицкий,_Душан_Петрович (дата обращения: 09.04.2018).
4. Маленова Е. Сказочное творчество Л. Н. Толстого в чешском контексте // Яснополянский сборник – 2012: статьи, материалы, публикации. Тула: Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2012. С. 173-180.
5. Стыкалин А. Томаш Масарик в дебатах с Львом Толстым. Русофил, русская история, философия и культура [Электронный ресурс]. URL: <http://russophile.ru/2017/09/20/томаш-масарик-в-дебатах-с-львом-толстым/> (дата обращения: 20.09.2017).
6. Толстой Л. Н. – Масарику Ф. О. [Электронный ресурс]. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1910-maj-noyabr/letter-4.htm> (дата обращения: 24.05.2018).
7. Толстой С. Л. Очерки былого. М.: ГИХЛ, 1956. 340 с.
8. Jehlica M. Ruské zdroje inspirace O. Březiny. Praha: Svět literatury, 1996. 432 s.
9. L. N. Tolstoj a jeho pedagogický odkaz / ed. by L. Pecha. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1982. 402 s.
10. Letková L. Vliv ruské kultury na život a tvorbu Leoše Janáčka. Bakalářská práce. Brno: Masarykova univerzita, 2013. 402 s.
11. Makovický D. P. Jasnopoljanské zápisky. Praha: Nakladatelství B. Kočí, 1924. 328 s.
12. Masarik T. G. Rusko a Evropa III. Praha: Ústav T. G. Masaryka, 1996. 345 s.
13. Valenčík R. Vraždicí plyn a Lev Nikolajevič Tolstoj [Электронный ресурс]. URL: <http://literarky.cz/komentare/ostatni/26062-vradici-plyn-a-lev-nikolajevi-tolstoj> (дата обращения: 09.04.2018).
14. Vejvodová V. Leoš Janáček: Živá mrtvola. Geneze, analýza, edice. Diplomová práce. Brno: Masarykova univerzita, 1925. 100 s.
15. Velemínský K. L. N. Tolstoj jako pedagog. Praha: Ústřední nakladatelství a knihkupectví učitelstva československého, 1923. 302 s.
16. Velemínský K. U Tolstého. Praha: Pokrok, 1908. 250 s.
17. Vogel J. Leoš Janáček. Praha: Academia, 1997. 330 s.
18. Zahrádka M. Slovník rusko-českých literárních vztahů. Ústí nad Orlicí: Oftis, 2008. 380 s.

**RECEPTION OF L. TOLSTOY'S PERSONALITY
AND CREATIVITY IN THE CZECH REPUBLIC**

Pešková Michaela, Ph. D. in Philology
The University of West Bohemia, Pilsen, the Czech Republic
peskova@krf.zcu.cz

Bozhkova Galina Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bykov Anton Valer'evich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
bozhkova.galina@mail.ru

The objective of the article is an attempt to reveal the perception of L. N. Tolstoy's personality and his creative heritage by the Czechs throughout several epochs (the XIX-XXI centuries). To implement the intended objective the paper examines Tolstoy's connections with the Czechs and Slovaks (T. G. Masarik, D. P. Makovicky, K. Veleminsky, P. Shakvan), translations of the writer's works into the Czech language, reviews on the thinker's creativity by literary critics (V. Mrstik, F. Salda), feedback on the teaching activity by the writers (O. Berezina), composers (L. Janáček), journalists (N. V. Moravsky, R. Valencik) and the teacher (J. Mrazik). The authors come to the conclusion that despite the fact that 190 years have passed since the birth of the great Russian writer and he did not have a chance to visit the Czech Republic, interest in his personality among Czech researchers only increases.

Key words and phrases: L. N. Tolstoy; The Czech Republic; T. G. Masarik; D. P. Makovicky; K. Veleminsky; translations; criticism.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 11.06.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.9>

В статье рассматривается особенность лиро-эпической организации поэмы Маяковского «Человек» в контексте новоевропейских теософических воззрений и немецкой классической философии. Личностное отношение к истории, религии и человечеству, которое удивительным образом совпало с прозрениями Гегеля и его феноменологией, позволило Маяковскому преодолеть барьеры, обусловленные футуристической поэтикой и подчеркнутым дегуманизмом эпохи. Синтез лирического переживания и философской рефлексии относительно взаимоотношений Бога и человека обусловил создание посредством художественной рефлексии жанрового образования нового типа – феноменологической лиро-эпики.

Ключевые слова и фразы: антропоцентризм; антропоморфность; субъективность; лиро-эпос; Гегель; богочеловек; Маяковский.

Чун Чжинн

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
stakan0922@gmail.com

**ЛИРО-ЭПИЧНОСТЬ ПОЭМЫ «ЧЕЛОВЕК» КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ И ТЕОСОФИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ В. МАЯКОВСКОГО**

Ранние поэмы В. В. Маяковского свидетельствуют о наличии у него целостной философии бытия. Тексты строятся на утверждении своего понимания мира, своей воли, но, по сути, они, относясь к лиро-эпосу, говорят о конфликте времени, о личностном восприятии этого конфликта. Определяя жанр поэм Маяковского, Л. И. Тимофеев отдает предпочтение термину «лиро-эпос», «лирический эпос», который ещё в 20-е годы использовался для обозначения жанрового своеобразия поэм нового типа [6, с. 31]. Это принципиальное замечание имеет важное значение для понимания теософических и феноменологических аспектов поэмы Маяковского «Человек», берущих свое начало в воззрениях на Бога и Человека (антитеза и тождество этих понятий) Спинозы, Гегеля, Фейербаха, воззрениях, пришедших на русскую почву вместе с гегельянством, просветительством Белинского, Каргеля и, позднее, марксизмом.

Лирика в поэмах Владимира Маяковского – та основа, на которую нанизываются эпические и эпохальные элементы, субъективное объективируется. Р. Якобсон, определяя место Маяковского среди поэтов эпохи, писал: «Маяковский воплотил в себе лирическую стихию поколения» [27, с. 843]. Перечисляя его приемы, он замечает особую роль примыкающих дополнений, замену полных предложений безглагольными, «словно все входящее в стих слова связывались между собой впервые» [26, с. 601]. Эта предельная субъективность, авторское право на словосочетания, предельный лиризм выражают универсальным языком эпохи особенность времени, не терпящего штампов, срывающего с себя старье исторически себя не оправдавшего, имеющего «богемные корни» [20, с. 316], заезженного, обыденного, времени, когда «Я», возведенное в абсолют,